

К.и.н., ст.н.с. СОИГСИ
С.М. Перевалов

Восстание дилетантов: русская историография на рубеже веков *

С.М. Перевалов

*История слишком серьезное дело,
чтобы доверять ее одним историкам*

Последнее десятилетие XX века в российской исторической науке уже можно называть временем наступления дилетантов. Внезапно приобретенная свобода слова, мнений, самовыражения открыла редкую возможность для всех желающих попробовать себя в амплу историка. Число таких любителей возрастает день ото дня, все труднее уследить за их размножающейся, как грибы после дождя, продукцией. Знаковой фигурой в лагере дилетантов стал математик А.Т. Фоменко, создатель глобальной «новой исторической хронологии», автор десятков работ, чей публикаторский стаж насчитывает два с лишним десятилетия.

По поводу хождения дилетантов в науку сотворено много шума. Президиум Российской академии наук недавно обратился ко «всем членам Российского интеллектуального сообщества... активно реагировать на проявления псевдонаучных и невежественных публикаций как в средствах массовой информации, так и в специальных изданиях» [17]. Создана специальная комиссия РАН «по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований». Отечественная историография объявлена находящейся в опасности. Е.В. Семенов, будучи генеральным директором Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), в беседе с журналистом высказался «предельно остро: либо мы будем иметь историческую науку, либо ее место займет Фоменко со товарищи» [20, с. 34]. В декабре 1999 г. Фоменко удостоился специальной конференции (конечно же, разгромной) в МГУ им. М.В. Ломоносова, за которой последовала серия «антифоменковских» книг [16; 7; 23 и др.]. Историки-профессионалы подвергают немилосердной

критике забредших в чужой огород новичков. Определения типа «паранаука», «псевдонаука», «фольк-истори», «бредни», «монстры» щедро сыпятся со страниц печатных изданий. Поток параисторической литературы, однако, не иссякает. Противостояние «профессионалов» и «дилетантов» (деление условно) наверняка продолжится в ближайшие годы и, судя по накалу страстей, еще надолго останется отличительной чертой российской историографии.

«Бои за историю» – неизбежный спутник этой науки. Однако прежде чем их начинать, не мешает разобраться, где находится противник. На мой взгляд, историки, задавшиеся целью защитить науку от некомпетентного вторжения извне, борются не столько с причинами, сколько со следствием. Дилетантизм всегда подпитывается недостатком профессионализма. Если любители – не только пишущие, но прежде всего читающие – порой предпочитают мнению специалистов «фальшивые брильянты мнимой истории» (М. Блок), есть повод задуматься о том, все ли благополучно в нашей науке. Самокритичный взгляд на проблему принесет больше пользы, чем легкие победы местного значения на фронте борьбы с конкретными теориями и методиками.

Основной тезис настоящей статьи состоит в том, что дилетантизм как явление порождается нынешним состоянием российской исторической науки, в значительной степени сохранившей пороки историографии советского времени. Для наглядности тема ограничена рамками более близкой автору истории древности и средневековья. Вообще-то дилетантизм (как внешний, так и внут-

* Сокращенный вариант статьи подготовлен для публикации в юбилейном сборнике в честь Александра Иосифовича Немировского (Спб.: Алетейя, 2002). В настоящем издании публикуется полный ее вариант.

ренный) проникает всюду. Имеющие громкий резонанс работы дилетантов появляются и в истории новейшей (пример – книги В. Суворова-Резуна «Ледокол», «День-М»). Но дилетантизм в антиковедении и медиевистике имеет свою специфику, труднее распознается, а потому выглядит особенно опасным в силу следующих обстоятельств:

1. Из-за временной удаленности исторические интерпретации в меньшей степени подвержены политической и идеологической конъюнктуре, а потому профессиональный дилетантизм проявляется здесь в наиболее чистом виде. Историк древности сегодня не имеет права ссылаться на то, что ему кто-то мешает заниматься своим делом: он, как никто другой, предоставлен самому себе.

2. Антиковедение и медиевистика занимают особое место в системе целостного исторического знания. Культура современной Европы берет истоки в греко-римской античности и христианском средневековье. Исторический опыт этих, прошедших полный цикл развития, цивилизаций предстает в наиболее законченном виде, способствуя глубине и фундаментальности наших знаний о человеке и обществе *sub specie aeternitatis*, «с точки зрения вечности». Подрыв доверия к самой длительной и авторитетной историографической

традиции может привести к глобальному манкуртизму.

3. Далекая древность более всего провоцирует на манипуляции с фактами. Сравнительно недавнюю историю «знают все». Отрицать существование Наполеона или события Первой мировой войны мало кто возьмется. Фальсификации в новой и новейшей истории поэтому в основном касаются не самих фактов, а их интерпретаций (не беру особый случай партийно-советской историографии). Что же касается событий далекого прошлого, то проверка их достоверности для большинства любителей недоступна, отчего полеты фантазии в области древней и средневековой истории не идут ни в какое сравнение с фантазиями в истории более близкой.

Я не берусь оценивать ситуацию в антиковедении и медиевистике «изнутри», со стороны малопонятной для непосвященных деятельности представителей академической элиты. В конечном счете важны не мотивы поступков отдельных историков и всех вместе взятых, а результат. Качество научной продукции, эффективность исторического образования, уровень исторического сознания общества – вот те критерии, которые следует принимать в расчет, когда заходит речь о дилетантизме или профессионализме.

1. Истоки

Побудительные мотивы исторического дилетантизма одинаковы во все времена и коренятся во врожденном эгоизме людей. «Любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы, потому что она неотделима от любви к самому себе» [3, с. 10]. Именно по этой причине история никогда не станет отраслевой наукой для избранных, дисциплиной закрытой для непрофессионалов, подобной кибернетике или атомной физике. Ее сила в тесной связи с жизнью, связи обоюдной, обязательно предполагающей диалог с любителями из всех общественных групп. Претендующий на истинность рассказ о людях во времени никогда им не наскучит: ведь человек, вопреки Аристотелю, существо не политическое. Человек – существо историческое.

Когда миром не правили «-измы», бескорыстный интерес к прошлому уважительно именовали дилетантством. По мере того как история все больше становилась профессиональным делом для немногих (в основном в течение XIX в.), любительство в глазах специалистов превращалось в ма-

лопочтенное занятие, мешающее проводить исследования во всеоружии научного метода. В XX веке о дилетантизме заговорили уже с досадливым, а порой с ругательским пренебрежением.

Итог закономерен и одновременно тревожен для наук, относимых к гуманитарным, в особенности такой, как история. Свертывается диалог науки и общества, вырастает стена непонимания между учеными и любителями. Сегодня в России мы в полной мере пожинаем плоды отрыва истории от своей питательной почвы – живого общественного интереса к исследованиям узких специалистов.

Конфликтные ситуации, подобные нашей, имеют свою логику, нарушение которой чревато малоприятными последствиями. Типичные их случаи недавно проанализированы Г.Д. Левиным [14]. Согласно его классификации, науки делятся на «проницаемые» и «непроницаемые» для непрофессионалов, участие последних в споре допустимо только в науках первого типа, к которым относятся: медицина, сельское хозяйство, ремесло, военное искусство, этика, эстетика, экономика и

др. История в этом перечне не упомянута, но ее место именно здесь. «Проницаемые» науки содержат два уровня знаний: 1) эмпирические, вырастающие из практической деятельности, и 2) теоретические, собственно научные. На уровне эмпирики значимым является мнение обеих групп (непрофессионалов и профессионалов), на уровне теории – только профессионалов. Взаимоотношения тех и других в социально значимых науках строятся по принципу: непрофессионалы определяют, *что* нужно делать, профессионалы – *как* это делать. «Решения, затрагивающие судьбу непрофессионалов, ищут специалисты, но принимать их к действию или отвергать – монополия непрофессиональных потребителей этого решения». Левин при этом ссылается на высказывание Перикла (по Фукидиду): «Не многие способны быть политиками, но все могут оценивать их деяния» [14, с. 179]. Уместен пример из медицины. Больной обращается к врачу с тем, чтобы тот, сообразуясь со своими знаниями, назначил лечение. Если врач плохо знает дело, больной обращается к другому врачу, к мистикам, бабкам, шептунам, ворожеям, наконец переходит к самолечению. Отсюда резонное требование: «Врачу, исцелися сам».

Сказанное применимо и к диалогу историков с обществом, в частности – с дилетантами, далеко не худшей его частью. Когда историки честно выполняют свой профессиональный долг, дилетантство принимает формы подражания высоким научным стандартам; при этом зачастую дилетанты со свежим взглядом открывают новые горизонты в науке. Стремление любителей самоутвердиться в соперничестве с профессионалами, превзойти их уровень, приносило в прошлом замечательные плоды.

Великим для дилетантов был XIX век, век романтической истории и археологии. Открытие месопотамской (П. Ботта, О. Лэйард) и микенской (Г. Шлиман) цивилизаций, первые шаги в изучении клинописных текстов (Г. Раулинсон, Дж. Смит), дешифровка – уже в XX веке – линейного письма (Б.М. Вентрис) – все дело рук любителей. Не вижу особой нужды подчеркивать их частные недостатки. Дилетанты шли неторными тропами, жизнь непредсказуема и требует поступков «здесь и сейчас», от ошибок не застрахован никто, в том числе профессионалы. Усилиями любителей удалось далеко раздвинуть историю человечества во времени и пространстве, актуализировать научные исследования,

пробить стену, отделявшую древность от современной жизни, подвинуть ученых к рассмотрению проблем, интересующих не только узкий круг посвященных, но широкие слои образованного общества.

Похожую роль сыграли русские дилетанты XIX века. Именно они – заезжие иностранцы, чиновники, служивые и отставные офицеры, местные помещики, коммерсанты – начинали античную археологию Северного Причерноморья. Высокая оценка их деятельности дана не кем иным, как М.И. Ростовцевым. «В большинстве вопросов, касающихся юга России, – писал он, – приходится... с сожалением констатировать, как правильно были поняты задачи научного расследования в начале XIX в. чиновниками и любителями и как мало сделало последующее время для разрешения поставленных проблем» [24, с. 23].

Здоровый, учитывающий запросы общества интерес к античному наследию сохранялся и в дальнейшем. Вспомним, насколько содержательным был диалог специалистов и любителей по такой насущной проблеме, как политика в образовании. Весь XIX век, то затухая, то вновь разгораясь, шла острая дискуссия о преимуществах и недостатках классической и реальной системы, в которой обе стороны показали глубокое понимание проблемы. Спорили в высоких правительственных кабинетах, на страницах газет и журналов, в университетах и в семейном кругу, от министра до гимназиста. Отдавать ли приоритет духовному развитию юношества, используя для этой цели античные образцы, как предлагали сторонники классицизма? Или ориентировать учеников на овладение специальными знаниями, необходимыми в повседневной жизни, на чем настаивали «реалисты»? В 1871 г., при министре просвещения Д.А. Толстом, верх взяли сторонники классицизма, с 1901 г. (министерство П.С. Ванновского) классическое образование неуклонно сворачивалось, после 1917 г. было вообще ликвидировано. Прошли десятилетия, но проблема не выглядит полностью исчерпанной, более того – в очередной раз обретает актуальность перед лицом невиданной гуманитарной катастрофы в России XX века, истинные масштабы которой осознаются только сейчас. Была ли альтернатива коммунистическому эксперименту и «восстанию масс» по-русски? Знаменитый адвокат Ф.Н. Плевако, не понаслышке знакомый с русской жизнью, утверждал: «Классическое об-

разование и понимание римского права – это крепости против грядущего хама» [12, с. 106]. Почему же идея классицизма не сработала? Причин много, об одной из них писал В.В. Розанов: «Тип школы вовсе не был классическим – вот тайна, оставшаяся вовсе незамеченною для самой «системы»; он был абстрактно-гимнастическим» [19, с. 190]. Беда была не в засилье, а в недостатке, даже – в отсутствии классического образования в настоящем смысле слова. Живое восприятие античности, пропущенное сквозь ум и сердце ученика, подменили сухой зубрежкой грамматических правил, дававших знание языка, но не самой истории. Понимание ущербности грамматического классицизма, необходимости «очеловечивания» античности пришло только в последние предреволюционные годы.

Ту Россию мы, как известно, потеряли. Остались уроки, которые не следует забывать. Главная опасность тогда, как и сейчас, коренилась в узости круга лиц, приобщенных к высокой культуре. Между образованной элитой и малограмотной массой лежала пропасть. Нельзя сказать, что власти (тогда) не замечали этой опасности. Видели и пытались решать вечную российскую проблему. Перед первой мировой войны успехи народного просвещения уже позволяли с надеждой смотреть в будущее. Непримиимый враг старого порядка В.И. Ленин в 1913 г. с беспокойством заговорил о появлении «новой демократии» (без всякой пролетарской революции!) вчерашних рабочих и крестьян, получивших образование [15, с. 21-22]. Но стране, как всегда, не хватило времени. Война 1914 г., затем революция 1917 г. смели все непрочные достижения, в том числе – в деле созревания исторического сознания нации.

Советский вариант дилетантства радикально отличался от всего, что было ранее. «Споры профессионалов и непрофессионалов, ученых и невежд всегда были острыми в России. Но особую остроту они приобрели после большевистской революции... Люди, пришедшие к власти в России в октябре 1917 г., действительно были образованными, но они не были специалистами в тех областях, которыми взялись руководить... возникла **диктатура непрофессионалов** (выделено мною – С.П.)... удерживающихся у власти с помощью ... сверхнасилия» [14, с. 174]. Монополия одной партии на истину лишила автономии всякое знание. Практически историческая наука в традиционном понимании исчезла, а вместе с ней и про-

фессионалы. Простое и очевидное объяснение этому факту дал М.И. Ростовцев: «Мы ищем истину без предпосылок, и только ее. И мы знаем, что истина еще далеко. Но советско-русские историки, напротив, говорят: истина найдена, это – марксизм; те, которые не видят этого, вредны и должны быть изгнаны... Исторический материализм для них теология, но не наука. Их исследование не является наукой, а лишь попыткой приноровить фактические условия к теологической догме» [цит. по: 21, с. 100].

Советским историкам, у которых отняли творческую свободу в главных вопросах, оставалось два пути: либо стать штатными пропагандистами навязанной идеологии, либо замкнуться в рамках истории для эрудитов, пытаясь сохранить крупицы научности в областях, далеких от современности. Первый случай нам неинтересен, настолько он далек от науки, от истории и от любительства. Второй заслуживает рассмотрения, поскольку разговоры о сохранении отдельными отрядами историографии своего лица «несмотря на обстоятельства» весьма распространены (еще бы!) среди историков старшего поколения. Часто приходится слышать, будто влияние официальной идеологии было поверхностным, не затрагивало сути работы историков, по крайней мере тех, кто занимался дооктябрьским периодом. «Помолись на Маркса, а там пиши, что хочешь».

За этими разговорами забывается, что история едина по предмету и методу, а специализация – лишь средство для более глубокого проникновения в тайны прошлого. «Есть только одна наука о людях во времени, наука, в которой надо непременно связывать изучение мертвых с изучением живых. ... Жизнь слишком коротка, знания приобретаются слишком долго, чтобы даже самый поразительный гений мог надеяться освоить тотальный опыт человечества. Современная история всегда будет иметь своих специалистов, так же как каменный век или египтология. Мы только просим помнить, что в исторических исследованиях нет места автаркии. Изолировавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину, даже в собственной области; единственно подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи, – это всемирная история» [2, с. 29].

Если ненаучны предпосылки «самой передовой советской науки», не приходится говорить о научности отдельных ее отраслей. Ложь в боль-

шом и правда в малом несовместны как гений и злодейство. Двойной стандарт, размывающий критерии истинности (ибо нельзя молиться двум богам сразу), приводил к неумолимому снижению качества исследований, вследствие чего грань между наукой и графоманством во многих работах по древней и средневековой истории оказалась практически стертой.

Дилетантизм, утвердившийся в советской историографии, привел к утрате ею всех качественных признаков исторического знания. По формуле Р.Дж. Коллингвуда, которую вряд ли можно оспаривать по существу, «история должна: а) быть наукой, или ответом на вопросы, б) заниматься действиями людей в прошлом, в) основываться на интерпретации источников и г) служить самопознанию человека» [10, с. 14]. Научность, гуманистичность, интерпретация источников как метод, самопознание как цель. Все ориентиры канули в Лету с наступлением эры повсеместного ниспровержения идеалов старого мира.

1. Советское наследие губительнейшим образом сказалось прежде всего в том, что касается культуры научного поиска. Наука – непрерывная работа мысли многих поколений ученых. Мысли, не знающей никаких других границ, кроме возможностей ума. Жесткие установки вести исследования, а значит – думать, только в строго заданных пределах, убивали живой дух науки. Историки теряли способность к интеллектуальному риску. Умение задавать вопросы и честно отвечать на них ушло из их творчества. «Тоталитарный режим не только подавлял инакомыслие – он вообще отучал думать» [11, с. 65].

2. Исчезла гуманистическая направленность истории. Она обезлюдела. В качестве объектов исследования выступали формации, производственные отношения, классы, политические партии и т.д. К человеку, в соответствии с марксистской установкой, подходили как к «совокупности всех общественных отношений»¹. Исторические деятели из живых людей превратились в социологические манекены, так же мало похожие на своих прототипов, как жизнь в стране – на написанное в учебниках и разрешенных монографиях. Факты подбирались, а часто – подгонялись под ролеву функцию. Наука о людях стала «наукой о закономерностях общественного разви-

тия». А человек незакономерен, и классовая мерка ему тесна.

3. Советская историография в целом отошла от метода интерпретации фактов, почерпнутых из источников (неточное, но утвердившееся в литературе название для совокупности свидетельств прошлого). Именно соответствие данным источников традиционно считалось критерием объективности полученных выводов. Советская парадигма рассматривала объективность как свойство окружающей человека социальной реальности – классов, партий. Интересы класса–гегемона стали значимее свидетельств субъективных источников, преданность учению коммунистической партии, партии «самого передового» класса – важнее конкретного знания. Поскольку всякая партийность односторонна, а источники отражают многообразие мнений и в этом смысле «многопартийны», с ними поступали так, как с противниками в политической борьбе: либо уничтожали, либо приводили в соответствие с господствующей доктриной – через цензуру, замалчивание, реинтерпретацию с партийных позиций и т.д. Образ министерства Правды в романе «1984» Оруэлла с бесконечным переписыванием источников информации не так уж фантастичен. Это реальность страны Советов. Марксистско-ленинская концепция с обязательными стадиями общественного развития от первобытного до современного коммунизма, Великим Октябрем как поворотным пунктом истории человечества, загнивающим и погибающим капитализмом, с «полной и окончательной» победой социалистических отношений в СССР 30-х, развернутым строительством коммунизма 60-х, «развитым социализмом» 70-х, и т.д. и т.п., базировалась отнюдь не на фактах, не на источниках, а на утопической идее с изрядно уже подзабытым – в силу изменчивости политической конъюнктуры – смыслом. Изучение оригинальных документов, способное подорвать стройную схему, мягко говоря, не поощрялось, что отразилось и на статусе источниковедения, переведенного из основных во «вспомогательные» исторические дисциплины.

4. Наконец, (the last, not the least) существует важнейший вопрос о смысле наших занятий историей. Ответ, согласно которому история служит самопознанию человека, позволяет связать во-

¹ В практическом плане не имеет особого значения тот факт, что в оригинале у Маркса использовано более гибкое «ансамбль» [1, с. 15].

едино специальный интерес историков и общественный интерес непрофессионалов. Ведь «что такое человек – ему может сказать только его история» (В. Дильтей). Вопросы к прошлому отражают интерес сегодняшней. В этом смысле тезис Б. Кроче о том, что «всякая история современна», совершенно справедлив. А каким образом мы пытаемся понять людей далеких эпох? Через сопереживание. Себя нужно поставить на место другого. Реалистическая реконструкция прошлого основана на узнавании себя в другом, на ассоциации с собственным личным и социальным опытом, осмысленным в исторических категориях. Для успеха в столь непросто деле надо уметь называть вещи своими именами в этом мире. Двойной стандарт, принятый в советском обществе («думаем одно, говорим другое»), был далеко не так безвреден². Он убивал саму возможность понять правду истории, опираясь на правду жизни.

Опять же: историческое самосознание – улица с двусторонним движением. Мы познаем прошлое через настоящее. Но и настоящее осознается с помощью прошлого. Грош цена такой истории, которая не помогает сегодняшней жизни. Советская историография древности и средневековья, в той части, которая пыталась культивировать подлинное (хотя и усеченное) знание, полученное из источников, характеризовалась полной отстраненностью от насущных проблем своего времени. Вот суждение В.И. Буганова, высказанное, когда уже «стало можно», о колхозном строе: «В некоторых отношениях сталинская коллективизация оказалась гораздо хуже крепостного права» [18, с. 187]. Верно, но не поздно ли? Дорога ложка к обеду. И стоило ли тогда уважаемому историку утверждать, что специалисты по дооктябрьскому периоду «в какой-то степени спасали честь советской исторической науки и в годы культа личности, и в годы застоя»? Честь мундира не дороже обыкновенной людской правды. Раскроем книгу крупнейшего востоковеда

И.М. Дьяконова «Пути истории» (М., 1994). Находим естественный (сейчас) вывод о том, что «коммунизм» советского типа представлял тупиковый вариант развития, реанимировавший формы эксплуатации, присущие рабовладельческому и феодальному обществу [6, с. 286, 288, 298, 341 и др.]. Все так. Но ведь основные составляющие для вывода имелись и раньше. На эмпирическом уровне (см. выше у Г.Д. Левина) наличие в стране внеэкономических форм эксплуатации было ясно даже неграмотным крестьянкам, доживавшим свой век уже при «развитом социализме». Историки, судя по их работам, до начала перестройки этого не видели. Где же профессионализм? Превосходный материал для сравнения с советским строем дает история Византии. А.П. Каждан передает реакцию своего друга на услышанное о византийской централизованной экономике: «Да ведь это же все как у нас!». Комментарий (снисходительно-ироничный, как в светской, ничего не значащей беседе) Каждана: «Он не был историком, и ему можно простить поспешное заключение» [8, с. 35]. Беда советского общества состояла в том, что самые естественные вопросы, направленные на установление «связи времен» и сближение истории с жизнью, возникали в какой угодно среде, только не у историков. Ну как тут не взяться разладу между «профессионалами» и дилетантами?!

Историк не антиквар, отрыв от сегодняшних проблем для него смерти подобен. Послушаем эмоционального Люсьена Февра. «Чтобы творить историю, повернитесь спиной к прошлому. Прежде всего – живите. Вмешивайтесь в жизнь. Во все многообразие духовной жизни. Историки, будьте географами! Будьте правоведами, социологами, психологами... Засучите рукава, как брат Жан. И постарайтесь помочь матросам. ...Все это ничему не послужит, если действия ваши не будут увязаны с мыслями, а ваша жизнь историка – с вашей человеческой жизнью. Не существует никаких пе-

² Один известный историк недавно выступил с апологией двоемыслия, которое якобы представляло собой «форму автономии науки». По его оценке, историческая наука в СССР «оставалась наукой... спасительную роль играло двоемыслие, свойственное, вероятно, большинству советской интеллигенции» [4, стр. 128]. Двоемыслие не может быть благом для гуманитарной науки хотя бы потому, что разрушает личность. Как пишет И.Т. Касавин, «даже тот, кто целиком смиряется с социальной регламентацией, сохраняет в себе относительно суверенную сферу – сознание. Именно с этим – беззвучным и незаметным противником – тоталитаризму суждено затеять свой последний и решительный бой. Однако ни официальной идеологии, ни подпольному сознанию не дано победить в нем: война идет лишь за то, каким быть двоемыслию. ...Тоталитаризму не под силу полностью подавить индивидуальное начало в человеке, но он преуспевает в его болезненной трансформации, шизофреническом раздвоении» [9, стр. 34-35].

регородок, никаких барьеров между действием и мыслью.» [25, с. 37] И далее: «История – это ответ на вопросы, которые неизбежно встают перед современным человеком. ...сам процесс понимания того, чем прошлое отличается от настоящего, – это ли не лучшая школа гибкости ума для человека, вскормленного историей» [25, с. 46].

Так в нормальном обществе, но не так в обществе деформированном. Все мы, взращенные социализмом, имеем уникальный опыт жизни в тоталитарной стране. Это трагедия, но для профессионала еще и возможность взглянуть на мир с ранее неизвестной точки зрения. Более десяти лет отсидел в сталинских лагерях Аристид Иванович Доватур. По возвращению в большую науку сосредоточился почти исключительно на фактографических работах, без идейного осмысления, тем более – без выхода в современность. «Почему филолог-классик А.Д., по роду занятий своих умственно взвешивающий сцены древней истории, – почему и он велит себе «все забыть»? Что ж поймет он тогда во всей человеческой истории?» [22, с. 308] Это вопрос не личный, но профессиональный, коль скоро речь заходит о том, чтобы оживить прошлое с помощью настоящего. И чтобы помочь настоящему! Иначе история становится бегством от действительности, а значит, бегством от себя.

При подобном самоустранении историков от злобы дня страдали не только общие вопросы. Исследования более конкретные также наткнулись на стену всевозможных запретов и ограничений (в том числе самозапретов и самоограничений). Возьмем отношение к академику М.И. Ростовцеву (1870-1952), крупнейшему российскому антиковеду прошлого века, покинувшему родину после революции. Сказать, что раньше его не ценили в среде профессионалов, нельзя. Ценили, но подходили «диалектически». Максимально приемлемая форма признания заслуг историка отражена в юбилейной (к 60-летию В.И. Кузицина) заметке Е.М. Штаерман уже на излете перестройки. «Когда у нас было принято игнорировать труды М.И. Ростовцева как «эмигранта» и врага Октябрьской революции, В.И. Кузицин говорил и писал, что М.И. Ростовцев – гордость русской науки, несмотря на все обстоятельства его биографии» [26, с. 221]. Попробуйте разобраться. С одной стороны – гордость за ученого, с другой – неприятные факты его биографии: антикоммунист, эмигрант. Для жизни одни мерки, для творчества – другие, целостный образ разменива-

ется на ярлыки и определения. И ведь совершенно ясно, что Ростовцев стал Ростовцевым не «вопреки», а «благодаря» своему неприятно большевизма. Чтобы понять и оценить его творческий путь, необходимо непредвзято подойти к роли коммунизма в XX веке, проанализировать политические взгляды ученого по первоисточникам, не бояться поставить неудобные вопросы о значении партийности в науке, действительном положении ученого в СССР, обсудить их в открытой дискуссии и т.д. и т.п. Почему-то все это оказалось возможным только после краха системы.

Похожим на судьбу Ростовцева образом сложилась судьба его друга, выдающегося византиста А.А. Васильева (1867-1953). Он также эмигрировал в США и сохранил себя как ученый, сделавшись нежелательной персоной для тех, кто остался по эту сторону баррикад. А.И. Солженицын с горькой иронией пересказывает слова брата Васильева, вчерашнего лагерника. «У брата глубоко несчастная судьба: он историк, не понял октябрьской революции, покинул родину и теперь, бедняга, преподает историю Византии в Колумбийском университете. Мы еще раз смеемся, жалеем брата» [22, с. 278]. Современный биограф сочла нужным добавить (видимо, для тех, кто до сих пор сожалеет об эмигрантском прошлом русских ученых): «Конечно, если бы он остался в России или вернулся в нее в 30-е годы, судьба его вряд ли была столь благополучной» [13, с. 336]. Не думаю, чтобы она была лучше в 70-е или 80-е гг. Во всяком случае остаться самим собой ему бы не дали.

Речь у нас идет о феномене официальной советской историографии в целом и в той мере, в какой возможно говорить о ней как о системе. Конечно, жизнь богаче любых схем. В среде гуманитариев еще оставались (в столицах) хранители традиций старой интеллигенции, с самым что ни есть живым (для себя) пониманием прошлого. Из тех, чьи имена на слуху – уже ушедшие в мир иной поэт Иосиф Бродский, «сознательно делавший себе прививку античностью», последний из могикан русской философии А.Ф. Лосев. По ныне публикующимся воспоминаниям ветеранов (А.Я. Гуревича, Л.М. Баткина, Я.С. Лурье, Л.С. Клейна, А.А. Формозова и др.) можно составить представление о некоей подспудной интеллектуальной жизни, даже тайной оппозиции режиму, но без выхода к широкой публике. «Историки почти не имели читателей:

опубликованные книги годами пылились на полках книжных магазинов, – они не были связаны с жизнью и не касались вопросов, интересовавших современников» [5, с. 29]. Итог печален не только для общества, но для самих интеллектуалов. «Погребенные под глыбами вездесущей цензуры, они оказались отрезанными от мировой культуры и вынуждены были создать свой собственный маленький замкнутый «мир», где

идеи рождались, старились и умирали, так и не успев реализоваться, а гипотезы навсегда оставались непроверенными. Всю жизнь они оберегали в себе колеблющийся огонек «тайной внутренней свободы», но до такой степени привыкли к эзопову языку, что он постепенно стал для них родным и единственным. И на свет постсоветского общества они вышли со страшными, незаживающими шрамами» [27, с. 201-202].

(Окончание следует).

Литература

1. **Автономова Н.С.** Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы//Вопросы философии. 1999. №11.
2. **Блок М.** Апология истории. М., 1986.
3. **Боллингброк.** Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.
4. **Волобуев П.В.** История отвечает не на все вопросы//Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. М., 2001.
5. **Гуревич А.Я.** «Путь прямой, как Невский проспект», или исповедь историка//Одиссей. 1992. М., 1994.
6. **Дьяконов И.М.** Пути истории. М., 1994.
7. **История и антиистория.** Критика «Новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. Сборник Русского исторического общества. Том 3 (151)//Под ред. И.О. Настенко. М., 2000 (Антифоменко).
8. **Каждан А.** Трудный путь в Византию//Одиссей. 1992. М., 1994.
9. **Касавин И.Т.** Штрихи к образу. Индивидуальная культурная лаборатория Василия Гроссмана // Вопросы философии. 2000. № 7.
10. **Коллингвуд Р.Дж.** Идея истории. Автобиография. М., 1980.
11. **Копосов Н.Е.** Советская историография, марксизм и тоталитаризм (К анализу ментальных основ историографии)//Одиссей. 1992. М., 1994.
12. **Коровин К.** Из воспоминаний о Плевако//Родина. 1992. №5.
13. **Куклина И.В.** А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб. 1995.
14. **Левин Г.Д.** Непрофессионалы в профессиональном споре//Вопросы философии. 1996. №1.
15. **Ленин Н.** (Ульянов В.) Новая демократия//Собр. соч. Т. XII. Ч. II. М., 1924.
16. **Мифы «новой хронологии»:** Материалы конф. на ист. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова 21 дек. 1999 г.// Науч. ред., сост. В.Л. Янин. М., 2001 (Антифоменко).
17. **Обращение Президиума РАН//Поиск.** 1999. №23; то же: Независимая газета. 15 сентября 1999.
18. **Отечественная история в современной публицистике.** Встреча за «круглым столом»//История СССР. 1990. № 1.
19. **Розанов В.** Сумерки просвещения. М., 1990.
20. **РГНФ:** между прошлым и будущим//Родина. 1999. №10.
21. **Скифский роман.** М., 1997.
22. **Солженицын А.И.** Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Т. 3. Ч. 6. М., 1991.
23. **Так оно и оказалось!»** Критика «новой хронологии» А.Т. Фоменко (ответ по существу): сб. ст.//Сост. У.В. Чащихин. М., 2001.
24. **Тункина И.В.** Неизданная работа М.И. Ростовцева «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря»//SKUQIKA. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. СПб. 1993.
25. **Февр Л.** Бои за историю. М., 1991.
26. **Штаерман Е.М.** К 60-летию В.И. Кузицина//Вестник древней истории. 1990. №4.
27. **Янов А.** После Ельцина. «Веймарская» Россия. М., 1995.

СОИГСИ, Владикавказ, 2002г.